

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАРИТИВНОСТИ В ЛЕКСИКОНЕ И ТЕКСТЕ ПУЛАР-ФУЛЬФУЛЬДЕ¹

Заявленная тема принадлежит наименее исследованной области африканского языкознания — лексикологии, точнее — области лексической семантики. В отличие от европейских языков, где эта проблематика традиционна и в настоящее время бурно разрабатывается, по языкам Африки имеется лишь ограниченное число разрозненных работ, посвященных вопросам лексической семантики (как правило, это работы частного порядка). Между тем с лексической семантикой, разумеется, приходится сталкиваться практически каждому африканисту-лингвисту, в силу хотя бы уже того обстоятельства, что создание словаря — наряду с грамматикой — составляет необходимый компонент документирования каждого языка при его описании.

Главная причина отставания африканского языкознания более или менее очевидна: лексико-семантическое исследование в большей мере, нежели при описании других уровней языковой структуры, требует органического и полноценного владения описываемым языком, что в нужном объеме труднодостижимо для стороннего (в том числе, европейского) исследователя.

Информация, которая предлагается здесь, также заведомо неполна по фактическому материалу: она отражает те факты, которые привлекли мое внимание в годы работы с носителями языка. Представляется, однако, что данные пулар-фульфульде (как, вероятно, и аналогичные факты из других африканских языков) интересны не только сами по себе, но и в плане общей типологии каритивности.

Семантическая категория каритивности, или *лишительности* (неформально именуемая также категорией «недостачи»), свидетельствуется в самых разных языках. Иногда она трактуется расширительно; так, в работе Вяч.Вс. Иванова «Типология лишительности (каритивности)», где данная категория исследуется, синхронически и диахрони-

¹ Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой».

чески, на базе многих языков мира, наибольшее внимание уделяется функционированию каритивности в ее связях с *грамматикой* — с категориями отрицания и обладания, со словообразованием и словоизменением [Иванов 1995]. Каритивность более узкого плана — как категория *лексико-семантическая* — обстоятельно изучалась на базе славянских языков в работах С.М. Толстой, преимущественно на материале каритивных прилагательных (обобщение этих работ см. в недавно вышедшей книге [Толстая 2008]).

Привлекаемые здесь к рассмотрению единицы лексикона пулар-фульфульде принадлежат атрибутивному разряду: это прилагательные и причастия, которые являются *характерными носителями каритивности* в этом языке (и, вероятно, не только в этом). Действительно, существо каритивности ярче всего проявляется в непосредственном соседстве атрибута с характеризуемым объектом-предметом (существительным). Вне сомнения, глаголу каритивность также отнюдь не чужда, о чем говорит уже сам факт включения в разряд атрибутов отглагольных форм — причастий (то есть «свернутых предикатов»). Фокус именно на текстовом сочетании существительного с характеризующим его атрибутом имеет также и иллюстративное удобство, что далее покажут приводимые примеры.

В качестве простейшего предварительного примера укажу на межъязыковую параллель, свидетельствующую, что если в некоторых языках средством выражения каритивности может служить и морфология, то для пулар-фульфульде, где морфология атрибутивов в подобных целях может и не использоваться, более заметна «вмонтированность» каритивности непосредственно в лексическую семантику (атрибутов в первую очередь). Ср., к примеру, продуктивную деривацию в русских словах типа *бесхвостый* (где префикс обеспечивает лишительное значение) или соответственно в английских типа *tailless* (где ту же роль исполняет суффикс), при том что в пулар-фульфульде имеется простой непроемный (так называемый «первообразный») адъективный корень wudd-/gudd-, кодирующий соответствующую каритивную семантику и означающий, в соответствующих контекстах, 'лишенный (лишившийся) хвоста':

[nagge] wudd-e 'бесхвостая корова',
ngaari ngudd|i-ri 'бесхвостый бык',
rawaandu wudd|u-ru 'бесхвостая собака'

(во множественном числе форма согласованного прилагательного для этих понятий совпадает: na'i / ga'i / dawaadi gudd-i 'коровы / быки / собаки, лишившиеся хвоста').

Последующие исследования помогут выявить, является ли указанное предпочтение в пользу лексико-семантического кодирования каритивности идиоэтническим (характерным именно для языка пулар-фульфульде) или же оно является ареальным, присущим и другим языкам континента.

При изучении атрибутов, лексически кодирующих каритивную семантику, важнейшее значение имеет *критерий лексической сочетаемости* (характеризующего атрибута и характеризуемого объекта — имени существительного в согласованной именной группе). С ориентацией на данный критерий как базовый построена предлагаемая далее классификация типов каритивов.

На данном этапе — этапе, повторю, *предварительного* подхода к проблеме — выделяются и иллюстрируются три основных типа каритивных атрибутов, различающиеся в первую очередь индексом лексической сочетаемости, а также семантическим объемом каритивной лексемы и уровнем ее семантического варьирования в контекстных условиях. Выделяем следующие три типа: 1) тип с *широкой* лексической сочетаемостью атрибута, 2) тип с *ограниченной* сочетаемостью атрибута, 3) тип, условно именуемый *собственно каритивы*.

В качестве примера к *первому типу* предлагается атрибут – перфективное причастие от глагола уоог-/жоог-а 'стать/быть сухим'. Все существующие фульские словари (как моно-, так и полидиалектные) дают для этого причастия в качестве основного его, так сказать, «физическое» значение 'сухой' — или, при толковании с учетом каритивности, 'лишенный влаги'; в этом значении атрибут фактически свободен в сочетаемости (свободен хотя бы в той мере, в какой, скажем, всякий предмет может попасть под дождь и потом стать *сухим*). Лишительный компонент *влага* в общем случае приравнивается к понятию *вода*, причем имеется в виду как благоприобретенное свойство объекта (как, например, в случае '*сухое, высохшее белье*'), так и свойство прототипическое (как, например, в случае '*сухое, пересохшее озеро*'). Следующие контекстные примеры покажут возможность варьирования лишительного компонента у атрибута с широкой лексической сочетаемостью (в рамках полисемии):

(1)

- 1a. haayre yoornde ‘сухой камень’,
comci joorđi ‘сухое белье’,
lesdi njoorndi ‘сухая земля’,
lamđam njoorđam ‘сухая соль’,
haako yoorko ‘сухая листва’,
weendu yoorndu ‘сухое (пересохшее) озеро’;
- 1b. nagge yoorngge ‘безмолочная (недойная) корова’,
mbeewa njoorba (диал. njoornga) ‘безмолочная коза’;
- 1c. junngo yoorngo ‘скупая рука (букв. сухая)’,
nedđo joorđo ‘скупой человек’.

Как видно из примеров (1a), наряду с *водой*, могут подразумевать-ся и другие *влажные субстанции*, например, *живительные соки*, как в случае haako yoorko ‘сухая листва’ [ср. подобное варьирование лишительного компонента в русских выражениях *сухие глаза (без слез)*, *сухой кашель (без мокроты)*]. Лексикографически в особую рубрику (особое подзначение) могут выноситься случаи (1b) — nagge yoorngge ‘безмолочная (недойная) корова’, mbeewa njoorba (диал. njoornga) ‘безмолочная коза’, где в роли лишительного компонента выступает *молоко* — важный продукт, получаемый (vs. не получаемый) от животного-молокодателя.

Тем более отдалено от «основного физического» значения значение ‘скупой, жадный’, относящееся уже к сфере человека, сфере нравственной. В употреблении данный атрибут теснее связан с именным концептом ‘рука’, но он также может, за счет метонимического подъема посессора, сочетаться и с именами, обозначающими человека. Установление мотивации сдвига ‘сухой’ → ‘скупой’ представляется проблематичным; возможно, к этому имеет отношение укорененный в этнической среде обычай, который строго блюдетсЯ: при встрече гостя обязательно подносится *молоко* (а за неимением оногo *вода*).

Не исключено, что отраженная в (1) рубрикация (a, b, c) учитывает не весь семантический объем атрибута ‘сухой’, однако и приведенный материал достаточен, чтобы показать, что атрибут свободной сочетаемости реализует каритивную семантику в рамках *полисемической модели*. И такой атрибут может быть понят и описан в обычной традиции представления полисемии; для придания описанию системности понадобится, конечно, еще привлечь свидетельства о синонимических и

антонимических отношениях атрибута, о его перифрастических потенциях и т.д. Сейчас и здесь важно подчеркнуть, что в основе развития полисемии каритивных атрибутов лежат различные *репрезентации лишительного компонента*.

Ко *второму типу* относятся атрибуты с относительно узким значением и избирательной лексической сочетаемостью. Так, атрибут *seŋt-/seŋt-* ‘лишенный рукояти’ сочетается с именами, обозначающими инструменты (и утратившими – по той или иной причине — данную деталь): *feyu'irde seŋt|e-re* ‘топор без топорлица’, *labi seŋt-i* ‘нож без рукоятки’. В далее приводимых примерах (2) атрибуты имеют адъективный корень (корень вынесен перед примерами), и этот корень включает каритивный смысл, довольно единообразно реализуемый при ограниченном составе именных понятий.

(2)

- ŋolf-* ‘с утраченным передним зубом (передними зубами)’:
ŋolfo (pl. *ŋolfube*) ‘[человек] щербатый, без переднего зуба (зубов)’,
mbaalu ŋolfu ‘овца без переднего зуба (зубов)’;
jadd- ‘не достигший нормального роста’:
jaddo (pl. *jaddube*) ‘[человек] малого роста’,
puccu njaddu ‘малорослая лошадь’,
hoondu jadduru ‘палец короче нормального’;
wiig-/biig- ‘половозрелая [женская особь], еще не давшая потомства’:
wiige ‘взрослая телка без приплода’,
biigal ‘молодая курица, не несущая яиц’;
daakaal- ‘без достаточного количества молока’:
debbo daakaalo ‘женщина, у которой мало молока (о кормящей матери)’,
nagge daakaale ‘маломолочная, малодойная корова’,
puccu daakaalu ‘маломолочная кобылица’;
toll- ‘лишенный парного элемента’:
fado tollu ‘распаренный башмак’,
nagge tolle ‘корова, лишившаяся одного рога, однорогая’;
ɔkk- ‘лишившийся глаза, кривой (на один глаз), одноглазый’:
ɔkko (pl. *ɔkkube*) ‘одноглазый [человек]’,
ɔkkuru ‘одноглазая собака’.

Многие из атрибутов этого типа относятся к области соматической лексики; в них лишительный компонент приурочен к той или иной части тела или же к биологической функции организма (людей и/или животных) и непосредственно маркирует разного рода «недостачи», анатомические или биологические. В некоторых случаях каритив более специфичен для животных. Это, в частности, относится к атрибуту *wiiig-/biig-* ‘половозрелая [женская особь], еще не давшая потомства’; впрочем, мы встречаемся с ним в соотношении с человеческой личностью в текстах эпической традиции, где он выступает в уменьшительной или увеличительной форме, в обоих случаях с эмоционально-стилистической окрашенностью. Речь идет о фольклорной персоне, вокруг которой в эпосе разгораются великие страсти – это так называемая ‘Славная Дева из [города] Дженне’, в аугментативе *Biigal Jenne*, в диминутиве *Biigel Jenne* (более буквально — ‘Бездетная Телочка’?).

Другой пример, с прилагательным *daakaal-*, вновь возвращающий нас к (частой у фульбе) теме *молока*, демонстрирует каритивный адъектив, применимый не только к хозяйственным молокодателям, коровам и козам, но и к другим кормящим женским особям, в том числе и человеческим.

Среди атрибутов с ограниченной сочетаемостью выделяются такие, которые связаны с именами объектов, нормально существующих *в паре*, эти атрибуты характеризуют предмет как распаренный, лишенный парного элемента, например *facɔ tollɔ* ‘одинокий башмак, оставшийся без пары’. Атрибут может также сочетаться с именем метонимически вынесенного посессора — *pagge tolle* ‘корова, лишившаяся одного рога, однорогая’. (Отмечу, что в диалектах по этому же корню строится название носорога как «*единорога*»: *tollal* — здесь лексикализуется особенность этого животного в противовес обычным двурогим.)

Для такой важной парной части тела, как *глаза*, в словаре пулар-фульфульде имеется особый адъективный корень *dokk-* ‘лишившийся одного глаза, одноглазый’. Заслуживает упоминания, что слово *Dokko* ‘Одноглазый’ является одним из главнейших атрибутов доисламского верховного божества фульбе (по всей вероятности, здесь речь идет о *солнце* — глазе Бога-небожителя).

Понятно, что сочетательная избирательность каритивов данного типа коррелирует с тем фактом, что лишительный компонент здесь

довольно единообразен (благодаря чему многие из атрибутов, морфологически согласованные со «своим» именем по классу, склонны к субстантивированному употреблению). В целом такие каритивы тяготеют скорее к *моносемии*.

Лексикографу, однако, следует проявлять осторожность при определении исходного значения каритивной единицы. Так, в начале статьи был упомянут адъективный корень *wudd-/gudd-* как передающий значение ‘лишенный (лишившийся) хвоста, куцый’. Приведенные там примеры (*pagge wudde* ‘бесхвостая корова’ и пр.) не являются неверными, но в диалектах отмечаются факты, заставляющие думать о более общем значении этого каритивного прилагательного, в том числе *guddo* ‘однорукий [человек]’, ср. также еще *wuddu* ‘пуп, пуповина’. Вероятно, исходным общим значением адъектива является ‘укороченный, урезанный (по сравнению с нормой и/или с исходным состоянием)’ [о выступающей части тела, отходящей от корпуса?]. Уточняющая конкретизация достигается в условиях непосредственного лексико-понятийного контекста.

Третий тип представляется типологически наиболее специфичным. Атрибуты этого типа условно поименованы нами как *собственно каритивы* — в том смысле, что в их лексической семантике превалирует лишительность как таковая: именно каритивная составляющая выступает как константная, а уточняющий компонент — как семантическая переменная. Такие атрибуты обладают достаточно широкой и разнообразной сочетаемостью, но при этом их семантическое поведение весьма нестандартно: в конечном счете, их лексическая семантика конкретизируется, по сути, лишь в условиях непосредственного контекста, а именно при сочетании с *конкретным* характеризуемым объектом. Как было видно и по ранее приводившемуся материалу, рассмотрение лексической семантики каритивных единиц часто требует обращения к культурной информации. Это тем более важно для единиц рассматриваемого типа, где уточнение — конкретизация лишительного компонента — вообще едва ли достижимо без привлечения культурно-денотативной информации.

Для иллюстрации подобного случая привлекается каритивный адъективный корень **bol-**, который вне контекста может быть переведен (и, разумеется, истолкован) лишь в абстрактном виде: ‘лишенный существенного сопровождающего элемента’. Под генерализующим

эпитетом «*существенный*» здесь понимается целый спектр близких смыслов: *этнокультурно существенный, привычный, обычно присутствующий, характерный для данного именного концепта, долженствующий быть при данном денотате* и даже *желательный*. Насколько своеобразны (а иногда и трудно предсказуемы) результирующие контекстные смыслы, покажут следующие ниже примеры согласовательных именных групп с атрибутом *bol-* ‘лишенный существенного сопровождающего элемента’:

(3)

kurukuru (getoode) bolo	‘курятник пустой (без кур)’;
nyiiiri boldi	‘каша без соуса’;
koyde bole	‘ноги босые (без обуви)’;
juude (rewbe) bole	‘руки (о женщинах) без браслетов’;
juude (worbe) bole	‘руки (о мужчинах) без оружия’;
daande bolde	‘шея (о женщине) без бус’;
henndu boldu	‘ветер, не несущий дождевых туч’;
ndiyam bolam	‘простая вода, «без ничего»’;
ɲari boli	‘красота, лишенная тепла / обаяния (холодная, строгая, правильная)’;
lekki boli	‘дерево, лишившееся листьев’;
worbe bolbe	‘одни мужчины, без женщин’;
laalo bolo	‘соус без специй, пряностей (пресноватый, безвкусный)’;
gi'e bole	‘кости голые (без плоти)’;
hobere bolde	‘«простая» пыль (в воздухе) – не от идущего стада’.

Как видим, при соединении этого квалифицирующего атрибута с различными именными понятиями возникают неодинаковые значения, требующие при переводе разных эквивалентов. Возникает вопрос: как следует поступить лексикографу, размещая данную вокабулу в двуязычном словаре? По-видимому, надо сопоставить ей абстрактного вида эквивалент, а затем ввести в статью перечень именных групп, с реализацией конкретных смыслов каритива.

Прилагательное *bol-* известно в разных диалектах пулар-фульфульде, наиболее продуктивно оно функционирует в центральной диалектной зоне. Это, разумеется, хоть и яркий, но не единственный пример собственно каритивного атрибута. Близкий по свойствам адъ-

ектив meh-, также известный практически всем диалектам, шире всего используется в западной зоне, ср.: nyiigi meegi ‘каша без приправы’, ndiyam meham ‘простая вода, «без ничего»’, mehum ‘[ничто] пустое, бесполезное’, banndu meegu ‘обнаженное тело (без одежды)’, bile mehe ‘пустые капканы’ и др. под. В восточном диалекте джамааре (где также небезызвестны корни boI- и meh-) отмечаются местные адъективы, подпадающие под тип собственно каритивов. В «Фульфульде-французском словаре» Доминика Ноа как синонимы приводятся прилагательные seh-/seh- и sook-/cook-, сопровождаемые примерами согласованных именных групп (ради демонстрации авторского опыта по словарному представлению каритивной единицы сохраним переводы источника):

seh- ‘vide, sans rien’: suudu sehru ‘maison vide’, huunde sehre ‘objet vide’, puccu cehu ‘cheval sans selle’ [Noye 1989: 308];

sook- ‘vide, nu, sans rien d’autre’: cooko, pl. sookbe ‘dénué de tout, pauvre’, suudu sookru ‘case vide’, labi cooki ‘couteau nu’, ndiyam cookam ‘eau pure, sans mélange’ [Ibid: 320].

Примечательно, что в словаре джамааре имеется особое прилагательное sollol-/collol-, обычно служащее сопроводителем-интенсификатором каритивного атрибута sook-/cook-, т.е. обозначающее ‘абсолютно [лишенный] ...’ (ср. goddo cooko collollo ‘une personne dénuée de tout’; suudu sookru sollol-du ‘une maison absolument vide’) и лишь в особых случаях выступающее как самостоятельный каритивный атрибут (puccu collollu ‘un cheval exceptionnel’) [Ibid: 321].

Представляется, что предложенная классификация каритивных атрибутов окажется небесполезной при изучении аналогичных явлений в других языках африканского ареала. При более широком подходе к проблеме обследованию могут быть подвергнуты не только атрибуты, но и сближенные с каритивностью глаголы, которыми богаты африканские языки. В пулар-фульфульде это такие глаголы, как waas-/baasa ‘не иметь, лишиться, остаться без, не реализовать’ (например, waasa barke ‘не иметь, лишиться благодати’); woog-/goog-a(/-oo) ‘не состояться, не произойти, не случиться’; lutt-a ‘не застать (на месте)’; mug-oo ‘не ответить, не откликнуться на обращенную речь, оставить без ответа’; murg-a ‘лишаться (зря), терять, тратить без пользы’ (ср. то же и в сонгай); hol-/kol-a ‘не иметь одежды’; yeew-/jeew-/(/geew-)-a ‘быть лишенным общения’ (далее ‘тосковать по обществу’, ‘томиться в одино-

честве' и т.п. — откуда многие производные, в том числе от основы с реверсивом: ueew-t|e-ge 'общение (с целью увеселения); беседа, развлечение', и наконец просто 'диалог').

Каритивные (лишительные) лексемы в целом составляют ту часть лексики, которая нуждается в специфически высокой текстовой поддержке, что с необходимостью должно учитываться и лексикографом. Введение такой единицы в словарь может требовать увеличения иллюстративной зоны словарной статьи, причем при иллюстративном отборе заметно возрастает значимость этнокультурно нагруженной информации, отражающей и этнический опыт, и этнические ценностные установки.

Литература

Иванов Вяч. Вс. Типология лишительности (каритивности) // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: Индрик, 1995. С. 5–59.

Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.

Noye D. Dictionnaire foulfouldé–français (Dialecte peul du Diamaré, Nord-Cameroun). Paris; Garoua, 1989.